

ИСТОРИОСОФИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. В СОЧИНЕНИЯХ С.Н. ГЛИНКИ

Лупарева Надежда Николаевна

К.ист.н., преподаватель

*Воронежской государственной
медицинской академии им. Н.Н. Бурденко*

S.N. GLINKA'S HISTORIOSOPHY OF THE WAR FOR THE FATHERLAND OF 1812

N. Lupareva

Annotation

The article is devoted to the memoirs of S.N. Glinka about the War for the Fatherland of 1812. The memoirs of the famous conservative are interesting, because of being the only memoirs, written by conservative author, and because of containing the appraisal of the War in the context of Russian and world history. The Glinka's interpretation of a battle between Russian Empire and Napoleonic France represented it as a battle between "sinful" rationalism and the values of the veneration of God, recognition of human's minds limitation, tradition and experience.

Keywords: Conservatism, liberalism, the War for the Fatherland, people's war, messianic policy.

Аннотация

Статья посвящена воспоминаниям С.Н. Глинки об Отечественной войне 1812 г. Мемуары известного консерватора интересны тем, что являются единственным произведением такого рода, написанным консервативным автором, и что в них дается оценка событий 1812 г. в контексте российской и всемирной истории. Столкновение Российской Империи и наполеоновской Франции трактуется автором в христианском контексте, как противостояние "греховного" рационализма и ценностей богопочитания, признания ограниченности человеческого разума, традиции и опыта.

Ключевые слова:

Консерватизм, либерализм, Отечественная война, народная война, мессианиззм.

Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813–1815 гг. оставили неизгладимый след в душе современников и породили большое количество мемуарной литературы. Одним из мемуаристов Отечественной войны и последовавших за ней военных кампаний явился Сергей Николаевич Глинка – известный в первой четверти XIX в. литератор, журналист и один из наиболее видных представителей консервативно-националистического лагеря.

Для С.Н. Глинки, как и для многих его современников, Отечественная война – это целая эпоха и центральное событие жизни. В своих мемуарах Глинка писал: "Для меня продолжается еще 1812 год. Спасение Отчества успокоило мое сердце, но я отжил для радостей земных" [1, с. 259]. Знавший Глинку с 1812 г. С.Т. Аксаков, так вспоминал о встрече с ним в конце 1815 г.: "При первом взгляде мне кинулось в глаза какое-то особенное выражение в лице Сергея Николаевича Глинки, которого я прежде не замечал: как бы след прожитого необычайного времени; это выражение сохранилось навсегда" [2, с. 22]. Осмысление войны началось еще на страницах "Русского вестника" [3, с. 391–401], журнала консервативно-националистической направленности, который Глинка издавал в 1808–1824 гг. Так или иначе он обращался к этой теме в различных произведениях на протяжении всей жизни. Но среди его работ есть две книги, которые наиболее полно и отчетливо раскрывают восприятие Глинкой 1812 года в контексте российской и всеобщей истории. Это "Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения", изданные в 1836 г., и появившиеся годом позже "Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года". В них со свойственной стилю Глинки эмоциональностью, с большим чувством изложены все подробности военного времени: детально описаны

сражения и движения войск, изображены подвиги русских воинов и полководцев (причем эти изображения зачастую полностью повторяют аналогичные в "Русском вестнике" за 1813–1816 гг.), показаны людские судьбы в это непростое время, страдания обеих воюющих сторон. Неслучайно "Записки о 1812 году" явились одним из основных источников для написания знаменитого романа Л.Н. Толстого "Война и мир" [4, л. 5 об. – 6]. Однако самое ценное в этих воспоминаниях, на наш взгляд, то, что это одни из немногих мемуаров, в которых предпринята попытка историософского осмысления событий 1812–1813 гг. Важным кажется и то, что эти воспоминания – единственное произведение такого рода, написанное консерватором царствования Александра I. Между тем, до сих пор эти работы Глинки не удостоивались серьезного внимания исследователей. В данной статье мы попытались восполнить этот пробел.

С.Н. Глинка рассматривает катастрофу, постигшую человечество в 1812 г., с точки зрения провиденциализма. Эта война, страшная, вовлекшая в свой круговорот десятки народов, с точки зрения автора, не что иное, как урок Провидения всем странам, где нет "задушевного быта человеческого", основанного на христианской морали [1, с. 91]. Согласно Глинке, это естественное следствие распространения атеистической идеологии Просвещения, пропагандировавшей всесилие человеческого разума. Результатом этого учения стала "безбожная" Французская революция. Олицетворением революции и того идеологического ряда, который стоял за ней, явилась фигура Наполеона Бонапарта, поэтому Глинка уделяет ему пристальное внимание. Стремление Наполеона к всемирному господству он трактует как проявление эгоистической этики просветительской философии: это человек, ослепленный личными "страстями" и мечтами [1, с. 240]. Глинка выделяет в Наполеоне две ипостаси: с

одной стороны, это великий полководец; с другой – "человек суда Божия" [6, с. 197]. Характерна эволюция личности Наполеона, предложенная Глинкой. Юный Бонапарт был добродетелен и чужд светского общества [6; 200]. Но его многочисленные военные победы, одобренные лестью ближайшего окружения, убедили его в собственном всемогуществе, в результате чего он, сперва приняв титул императора, а затем загорелся идеей всемирного обладания [6, с. 206–218]. В этом заключается трагедия Наполеона как личности: Глинка признает, что он был гениален, но его гений заключался в таланте законодателя, неслучайно, созданное им Уложение было принято и Людовиком XVIII [6, с. 251]. Но самоуверенность, стремление к неограниченной власти и лесть сподвижников, которая возвела его "на одну чреду с волею Всетворящего" [6, с. 298], сбили его с предназначенного ему пути [6, с. 253]. Вот почему он стал орудием "суда Божия" [1, с. 131–135]: сокрушительное ниспровержение его планов должно было стать лучшим "уроком смирения силы человеческой" [1, с. 246], способным вернуть людей к мысли о всемогуществе божественного промысла. Глинка утверждает, что Бог лишил Наполеона разума в наказание за недовольство тем многим, что он уже имел. Навязчивая идея императора покорить Россию и взять Москву, с точки зрения Глинки, являлась проявлением "суда Божия" над Наполеоном и той рационалистической и материалистической идеологией, которую он олицетворял [1, с. 133–134].

1812 год – это урок и для России, внутри которой возникло как бы второе государство "с иными нравами, обычаями, мнениями и действием мыслей" [1, с. 24, 119–120], продиктованными Западной Европой и просветительской идеологией. Сама дата для Глинки глубоко символична: в истории страны это "второй двенадцатый год". В этом также видна "тактика Провидения", которое напоминает России о "первом двенадцатом годе" – 1612 г. [1, с. 24–25] Аналогия этих двух эпох для автора абсолютно очевидна. В "наш двенадцатый год", так же как и в "первый", перед Отечеством стоял один вопрос – "быть или не быть земле Русской на лице земли" [1, с. 270]. В 1612 г. Россия спаслась только единением всего населения, основанном на религиозной общности и предполагающем верность Богу, Царю и Отечеству. Поэтому цель Провидения, с точки зрения Глинки, заключается в обращении всей России к национальной почве, в пробуждении "русского духа", для Глинки означавшего, прежде всего, гармоничное сосуществование всех сословий русского общества и их духовное единство [1, с. 49–50, 101–108, 119–120, 232–233, 269–270, 275–76]. Отсюда эсхатологическое толкование московского пожара. Автор убежден, что Москву сожгли и не русские, и не французы; Москва не была оставлена, она была "отдана на суд Божий": "тут огонь небесный. Горели палаты, где прежде кипели радости земные, стоившие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт человечества. Горели наши неправды, наши моды, наши пышности, наши проски и подыски" [1, с. 78–79].

Победу России в войне, с точки зрения Глинки, обеспечило, во-первых, то, что нравственная правда была на

ее стороне, т.к. Россия вела войну оборонительную, а не захватническую [1, с. 192–194]. Во-вторых, народный характер войны. Выше уже упоминалось о воспоминаниях С.Т. Аксакова, который говорил, что Глинка изначально надеялся на народную войну [2, с. 23]. С.Н. Дурылин утверждал, что записки Глинки о 1812 г. "посвящены одной теме: народной войне. Основная мысль Глинки в том, что ни усилия правительства, ни искусство полководцев, ни мастерство дипломатов, а единодушный и повсеместный народный отпор был причиной гибели Наполеона... Глинка любовно выискивает, тщательно отмечает в своих "Записках" все факты, в которых особенно ярко проявляется основная особенность войны 1812 г., что ее вел и довел до победы народ" [7, с. 18]. Причем С.Н. Дурылин под народом подразумевал исключительно непривилегированные социальные слои. Однако для Глинки это понятие шире. Он действительно значительное место уделяет описанию подвигов выходцев из простонародья, прежде всего крестьян, подчеркивая тем самым, что без них победа могла не состояться [1, с. 44–47, 76–77, 111–119, 285–290]. "Записки о Москве и о заграничных происшествиях" в качестве эпиграфов предваряют три цитаты: М.И. Кутузова: "Русские крестьяне истинные, почтенные сыны Отечества"; Екатерины II: "Народ русский отличается силою, догадкою, умом"; обращение Ж.–Б. Лессеписа к Наполеону, относящееся ко времени пребывания французов в Москве: "Я сулил золота мужикам, а они наотрез мне сказали: хоть головы сними с нас, мы не отыщем ни хлеба, ни мяса, ни овса, ни сена" [6, Вступление]. Однако ничуть не меньшее внимание Глинка уделяет подвигам русского офицерства [1, с. 57–63, 177–191, 223–226], выдающихся полководцев М.Б. Барклая-де-Толли [1, с. 36–40, 236–240, 296–319], М.И. Кутузова [1, с. 34–36, 40–41, 65–67, 100–101, 177–189, 236–240, 251–252, 296–319] и многих других. Для автора народная война – это война всех сословий русского общества, сплотившихся перед угрозой завоевания, и вклад каждого из них в победу над войсками Наполеона в равной степени важен. Не случайно Глинка акцентирует внимание на обращении его современников к временам и именам Минина и Пожарского, "мясного продавца" и князя, спасших Россию от гибели в начале XVII в.

Это обращение важно еще и потому, что как бы сблизает два столетия, и 1612 г. проявляется в 1812 г. Глинка постоянно проводит параллель между этими событиями. Так, и в тот, и в другой двенадцатый год Смоленск стал первой жертвой неприятеля [1, с. 107–108, 217–220, 275–276]. 23 августа "наши предки" сражались в стенах Москвы, а современники назначили место решающей битвы; таким образом, это "достопамятный день двух веков", когда над Россией "засветилась заря избавления". И в тот, и в другой "двенадцатый год" англичане первыми вызвались в союзники русским [1, с. 49–50, 232–233]. Посещение Москвы Александром I в июле 1812 г. Глинка сравнивал с избранием на царство Михаила Федоровича Романова [8, с. 291]. Таким образом, в 1812 г. ожил "самобытный дух русский". Все население сплотилось вокруг одной мысли – "Бог и Отечество" [1, с. 179, 268–269]. Народ объединился в одну семью во главе с отцом-монархом [9, с. 243].

Правда, в отличие от 1612 г., война 1812 г. "должна была сочетаться с войною заграничною" [6, с. 13–14]. Так как в России после отражения нашествия "продолжился прежний обыкновенный ее быт; а в Европе все было необычайно. Уверенный в России, Александр знал, что она отстоит себя и устоит; знал он также по прозорливой дальновидности и сберегал в себе силы свои, чтобы бороться в Европе с целым политическим миром Европейским, где каждое лицо вправе было думать, что оно вполне изучило весь ход жизни мира своего. А тут и явилась эпоха, не существовавшая дотоле на лице земли... Но в Европе XIX столетия, известен был каждый ее шаг; все было исследовано, все было на чертежах географических, все было в тысячах книг; все, кроме того, что написано было в книге Провидения. И так Александру I одному, собственными усилиями ума своего надлежало убедить умы Европейские, что они не все еще видели, не все знали. Борьба была сильная и упорная... против всезнания самолюбивого; против тщеславия высокомерного и притязательного; и эта борьба была и сильнее и труднее борьбы с целым нашествием вооруженным" [6, с. 264–265]. Таким образом, если Наполеон выступал олицетворение западно-европейской атеистической, рационалистической и материалистической морали, то Александр I был выразителем иной духовности, основанной на покорности воле Всевышнего и вере в его всемогущество. И если первый был орудием "суда Божия", то второй был призван способствовать нравственному перерождению Европы: "Десница Провидения крепит Царя Северного: она сокрушит пред ним все преграды; она проявит очам его невидимое. И изумленная Европа увидит, что тот, кто не перелетал за вершины гор заоблачных, тот, кто не заносил оружия в пески знойные, кто не величался счастливою своею звездою, тот новый вождь внезапно укрепитя опытом (курсив мой – Н.Л.) и преобразит в Европе Европу Наполеонову... На что Царю Северному содействие ума постороннего: его Бог ведет" [6, с. 92–93].

Таким образом, события 1812 г. были восприняты С.Н. Глинкой как осуществление идеального для него общественного устройства, к которому он призывал в "Русском вестнике": сильного монархического государства с четкой социальной иерархией, где все жители были скреплены одной духовностью, основанной на православии. На какое-то время они способствовали укреплению его консервативных взглядов. Так, в "Записках о 1812

годе" он писал, что война заставила его мечтать о том, что, во-первых, "сближение дворян с крестьянами к взаимной обороне Отечества сблизит их и на поприще жизни нравственной, и что, не посвящая их в философы, они, по крайней мере, уступят им чреду людей". Во-вторых, "что владельцы тысячей душ, брося прихоти мод столичных и городских, заживут в поместьях своих, чтоб от различных управлений не гибли имущества и не страдали наши почтенные питатели рода человеческого и Отечества, то есть земледельцы". В-третьих, "что уничтожение всепожирающих мод и перемена безжизненного воспитания сроднят души всех сословий и вдохнут в них новое бытие" [1, с. 91–92]. Однако сразу по окончании Отечественной войны Глинка с горечью констатировал возрождение всех тех общественных пороков, против которых он боролся на страницах "Русского вестника", прежде всего, подражание западно-европейским культурно-поведенческим моделям [6, с. 116–123]. Не случайно, после изложения своих мечтаний военных лет он с грустью пишет: "Утопия! Утопия! Мечта! Мечта!" [1, с. 92]. Это разочарование породило известный пессимизм относительно реалистичности его прежних воззрений и способствовало эволюции его взглядов, начиная с 20-х гг. XIX столетия в сторону либерализма.

Тем не менее, в "Записках о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения" и "Записках о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года", Глинка отразил основные ценности консервативной идеологии: приоритет опыта, традиции и религии, апологетику сильного монархического государства, признание необходимости общественного неравенства и др., которые он считал отличительными чертами русской национальной идентичности. Все они противопоставлялись краеугольным принципам либерализма, ассоциировавшегося с западными государствами. Одновременно можно сказать, что в этих работах Глинкой была высказана внешнеполитическая концепция, носившая ярко выраженный мессианский характер: Россию автор рассматривал не просто как носительницу особой духовности, она, с его точки зрения, могла и должна была способствовать распространению этой духовности на западно-европейские страны, способствуя тем самым их нравственному возрождению. Этот мотив ярко проявил себя в российской общественно-политической мысли второй половины XIX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинка С.Н. Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения / С. Н. Глинка. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1836. – 401 с.
2. Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания (1812–1826) / С.Т. Аксаков // Собрание сочинений: в 5 т. / С.Т. Аксаков. – М., 1966. – Т. 3. С. 5–142.
3. Колюпанов Н. Биография А.И. Кошелева / Н. Колюпанов. – М.: Тип. Грачева и комп., 1889. – Т. I. Кн. 2. – С. 373–410.
4. [Евдокимов И.В.] Сергей Николаевич Глинка (жизнь и деятельность). Исследование // РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 1. Ед. хр. 121. 237 л.
5. Кулешов В.И. История русской литературы / В.И. Кулешов. – М.: Академич. проект : Фонд "Мир", 2005. – 800 с.
6. Глинка С.Н. Записки о Москве и о заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 года. С присовокуплением статей: 1) Александр I и Наполеон; 2) Наполеон и Москва / С. Н. Глинка. – СПб.: Тип. Рос. акад., 1837. – 370 с.
7. Дурьлин С.Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года / С. Н. Дурьлин. – М.: Наука, 1943. – 123 с.
8. Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. / Уортман Р.С. – М.: ОГИ, 2004. – Т. 1. – 605 с.
9. Русское Чтение, издаваемое Сергеем Глинкою. Вып. 3. – СПб.: Тип. Штаба Отд. корпуса вн. стражи, 1845. – С. 144–256.